

в прозе». Тургенев дает с ударением слово *рѳздал* (на юге говорят: *раздѳл*), на листе 47 мы видим с ударением форму: *нѳ набе* (на юге произносят: на *нѳбе*). Следует вообще заметить, что указания ударений в рукописях Тургенева нередкое явление, однако, никак нельзя признать правильным приемом постановку ударений слова в печатном тексте там, где они не показаны в рукописях, что иногда делалось произвольно и без особой нужды.

Отметим и другую особенность в произношении И. С. Тургенева: удлинение *н* в окончании прилагательных. Рукопись «Стихотворений в прозе» дает форму *бешенный* в пьесе «Голуби»; она оказывается и в изд. 1883 г. (IX, 584); в первопечатном тексте имеем обычное *бешеный*; так и в изд. 1930 г. (IX, 324). См. также: Достал себе слугу француза, ловкого и *смышленного* малого (1883, VI, 111).

XV. Вопрос о знаках препинания в текстах И. С. Тургенева требует особенного внимания, но о нем мы будем говорить не очень много. Издатели, редакторы и корректоры считали И. С. Тургенева более или менее слабым в пунктуации и в большинстве случаев ставили знаки по собственному соображению и вкусу, не считаясь ни с его рукописями, ни с примерами первопечатного текста. В этой части издания сам автор давал редакторам журналов, в которых печатались его сочинения, очень большие полномочия. «За знаки, особенно за тире не отвечаю», писал он Стасюлевичу («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 92). Происшедшее от этого хозяйничанье в пунктуации корректоров разных типографий сообщило текстам И. С. Тургенева немало грубых ошибок, нередко совсем искажающих смысл текста. Вот несколько примеров.

«Ночуем здесь», сказал я, «на дворе. Ночь тепла» . . . Современник, 1847, V, 135, 1852, I, 41. Маркса, I, 20: «Ночуем здесь», сказал я: «на дворе ночь теплая» . . . 1883, II, 23. 1929, I, 23.

Приехавши в Лаврики в самый разгар лета, она нашла дом грязным и темным. Современник, 1859, I, 47. Маркса, III, 235: Приехавши в Лаврики, в самый разгар лета. . . 1883, III, 218. 1930, V, 166. (Запятая после слова «Лаврики» поставлена чисто механически, без внимания к синтаксической связи слов).

Неискусной пунктуацией авторское наречие *да* превращается в союз. *Да*, ведь она на все руки. Современник, 1859, I, 139. У Маркса, III, 336: *Да* ведь она на все руки. 1883, III, 339. 1930, V, 254.

Обратно, союз делается наречием.

Вы. . . не предполагаете во мне художественного смысла, — *да* во мне действительно его нет. Р. вестник, 1862, II, 549. 1883, IV, 290. У Маркса, II, 87: *да*, во мне действительно его нет.

Особенно несчастливы отступления от авторского текста в области обозначения интонаций. Приведу несколько примеров.

Как Анна Павловна на смертном одре поцаловала руку Петра Андреича, так и она приложилась к Глафириной руке, поручая ей, Глафире! — своего единственного сына. Современник, 1859, I, 35. Маркса, III, 222: поручая ей, Глафире, своего единственного сына. 1883, III, 202. 1930, V, 155.

— Помещик! — дворянин! и не знает, что делать! Современник, 1859, I, 77. Маркса, III, 268: — Помещик, дворянин — и не знает, что делать! 1883, III, 258. В двух последних примерах И. С. Тургенев был совсем не понят и искажен. Такое же непонимание очевидно и в предыдущих случаях изменения знаков препинания. Даже необычное тире (—), за которое извинялся И. С. Тургенев перед М. М. Стасюлевичем, дает иногда большую отчетливость и выразительность тексту, и приходится пожалеть о его неразборчивом уничтожении, например, в следующем случае:

Воображение ее уносилось даже за пределы того, что по законам обыкновенной морали считается дозволенным; но и тогда кровь ее попрежнему тихо катилась в ее обаятельно-стройном — и спокойном теле. Р. вестник, 1862, II, 553—554. 1862, 131. Уничтожение тире (см. издание 1883 г., IV, 295) лишает текст весьма выразительного штриха, данного замечательным художником речи. Здесь *и* значит *но* и показывает противоположение, неожиданность, что могло бы быть выражено также многоточием перед *и* или после *и*, а никак не уничтожением знака препинания.

Наша аккуратная синтаксическая расстановка знаков препинания иногда не помогает, а мешает пониманию текста, и во времена Тургенева еще заботились больше о выражении смысла текста, чем о механическом соблюдении правил пунктуации. Вот еще пример.

Громче всех заливался один мальчишка лет пятнадцати, вероятно сын аристократа между дворян. 1852, I, 305. Здесь отсутствующая после вводного слова запятая дает более ясное понимание текста.

Личная пунктуация И. С. Тургенева, насколько мы ее знаем по рукописи «Стихотворений в прозе», может казаться неудовлетворительной только по отношению к формальным требованиям привычных шаблонов. Она достаточно последовательна и в большинстве случаев гораздо лучше раскрывает значение текста, чем заменившая ее «правильная» пунктуация корректоров. При некотором внимании к рукописному тексту И. С. Тургенева становятся очевидными своеобразные достоинства его пунктуации и является понятным стремление автора выйти из прочных, но невыразительных рамок ее обычного употребления и приспособить знаки препинания к более точному выражению мысли и более естественному делению речи. Особенно удачно выработалась у Тургенева система употребления многоточий. Он употребляет в рукописи «Стихотворений в прозе» три вида многоточия: 1) две рядом стоящие точки(. .), 2) три точки(. . .) и 3) четыре точки(. . . .). Это употребление